

АЛЬБЕР КАМЮ

ИЗНАНКА И ЛИЦО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
К18

Серия «Эксклюзивная классика»

Albert Camus
NOCES
L'ETE
LA MORT HEUREUSE
L'ENVERS ET L'ENDROIT

Перевод с французского

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

Камю, Альбер.

К18 Изнанка и лицо : [сборник] / Альбер Камю ; [перевод с французского]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-090770-0

В эту книгу вошли классические произведения Альбера Камю из сборников «Изнанка и лицо», «Лето» и «Брачный пир».

Эссе — жанр, занимавший в творчестве Камю особенное место. Жанр, к которому он обращался снова и снова на протяжении всей своей жизни и в котором чувствовал себя, пожалуй, наиболее свободным — и как философ, и как писатель.

Это могло быть эссе чисто экзистенциалистское (наиболее известный пример — «Миф о Сизифе»), эссе скорее поэтическое («Бракосочетание в Типасе»), но чаще всего Камю удавалось, как в «Ветре в Джемиле», вполне естественно сочетать в своих очень небольших по объему произведениях художественные достоинства с философскими.

Помимо эссе, в книгу вошла новелла «Счастливая смерть».

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-090770-0

© Editions Gallimard, Paris, 1958, 1959, 1971

© Перевод. Т. Чугунова, 2015, 2018

© Перевод. Л. Григорьян, наследники, 2019

© Перевод. Д. Вальяно, наследники, 2018

© Перевод. С. Великовский, наследники, 2018

© Перевод. Н. Галь, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

БРАЧНЫЙ ПИР

(СБОРНИК)

Палач задушил кардинала шелковым шнурком, но тот порвался и пришлось душить его дважды. Кардинал посмотрел на палача, но не удостоил его ни единым словом.

«Герцогиня де Паллиано», Стендаль

БРАКОСОЧЕТАНИЕ В ТИПАСЕ

По весне Типаса* населена богами, они во всем — в солнце и запахе полыни, в море, закованном в серебряные латы, в чистейшем голубом небе, в заросших цветами руинах и в кипении света в нагромождении камней. В определенные часы все вокруг черно от солнца. Глаза тщетно пытаются поймать что-то иное, помимо капель света и цвета, которые подрагивают на кончиках ресниц. От густоты ароматов першит в горле, и кажется, можно захлебнуться. Где-то в самой глубине пейзажа едва различима черная масса Шенуа, пустившая корни в холмы, окружающие деревню, и уверенной тяжелой поступью шагнувшая в море да так и осевшая в нем.

Въезжаем на побережье со стороны деревни, и сразу открывается вид на бухту. Вступаем в мир, окрашенный в голубые и желтые цвета; с насыщен-

---

© Перевод. Т. Чугунова, 2018

* Типаса — город в Алжире, расположенный на побережье Средиземного моря в 68 км к западу от города Алжир. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не оговорено иное.*

ным и терпким вздохом принимает нас летняя земля Алжира. Повсюду над стенами вилл лианы розовых бугенвиллей, гибискусы в садах еще недостаточно яркого красного цвета, обилие пышных, точно взбитые сливки, чайных роз, изящные бордюры из длинных стеблей синих ирисов. Камни раскалены. Мы выходим из автобуса цвета лютика в час, когда мясники на своих красных машинах совершают утренний объезд и звуками рожков привлекают внимание жителей.

По левую руку от порта имеется лестница, сложенная методом сухой кладки, ведущая к руинам, лежащим среди фисташника и дрока. Сперва дорога подводит к небольшому маяку, а дальше теряется в чистом поле. Уже у подножья маяка встречаются большие кактусы, усеянные фиолетовыми, желтыми и красными цветами, они спускаются к ближайшим к воде скалам, которые море то и дело облизывает, причмокивая. Стоя на легком ветру, под солнцем, припекающим к одной стороне лица, мы смотрим на льющийся с небес свет, на море без единой морщинки и на его ослепительную белозубую улыбку. Перед тем, как войти в царство руин, мы в последний раз созерцаем пейзаж.

Еще несколько шагов, и мы задыхаемся от пыльного дурмана. Повсюду, насколько хватает глаз, древние развалины укрыты серым войлоком. Эфирные масла бродят на жаре, и на всем пространстве царит настоящий на травах хмельной аромат, которого и небо не в силах выдержать, не покачнувшись. Мы движемся навстречу любви и желанию. Мы пришли сюда не за уроками, не за горькими философскими истинами, которых обычно требуют от величия. Все, кроме солнца, поцелу-

ев и диких ароматов, не имеет для нас никакого значения. Что до меня, я не стремлюсь оказаться здесь в одиночестве. Я часто навевался сюда с теми, кого любил, и замечал на их лицах светлую улыбку — лик любви. Здесь мне ни к чему мера и порядок. И лишь любовная игра природы и моря целиком поглощает меня. В сочетании с весной развалины вновь стали просто камнями, утратив то, что навязал им человек, некогда их обработавший, но теперь эти камни вернулись в природу, которая не поскупилась на цветы, встречая своих блудных сыновей. Между плитами форума торчит круглая белая головка гелиотропа, а цветы красной герани смотрятся как пятна крови на том, что было прежде домами, храмами и площадями. Подобно тому, как многих ученых научное знание вновь приводит к Господу, руины сквозь века возвращаются в лоно своей праматери. И вот наконец прошлое отпускает их, и больше нет помех, и можно покориться той глубокой силе, которая призывает вернуться к сути вещей, предаваемых забвению.

Сколько часов я провел, топча стебли полыни, ласково прикасаясь к камням, пытаюсь подстроить собственное дыхание под шумные вздохи мира! Увязнув в диких запахах и жужжании сонных насекомых, я открываю глаза и сердце навстречу невыносимому величию этого неба, досыта напоенного жарой. Не так легко стать тем, кто ты есть, обрести понимание собственного истинного размера. Но от созерцания могучего хребта Шенуа сердце мое успокаивалось, наполняясь необычной уверенностью. Я учился дышать, становился частью этой природы и обретал цельность. Я одолевал один за другим склоны, каждый из которых возна-

граждал меня чем-то, например, вот этим храмом, чьи колонны измеряют бег солнца и с высоты которого открывается вид на всю деревню с белыми и розовыми домиками и зелеными верандами. Или базилика на холме на восток от меня: ее стены сохранились, а вокруг расположились саркофаги, по большей части выпирающие из недр земли, в жизни которой они все еще принимают участие. Когда-то в них были заключены останки, теперь их облюбовали шалфей и дикая редька. Базилика Святой Сальсы* — христианский храм, но всякий раз, как выглянешь из нее через отверстие в стене, слышишь мелодию мира, достигающую твоих ушей: гудят пригорки, поросшие соснами и кипарисами, рокочет море, метрах в двадцати от нас подгоняющее своих белогривых лошадок. Площадка на вершине холма, на котором стоит храм Святой Сальсы, абсолютно плоская, ничто не мешает ветру разгуляться среди его портиков. Трепещет разлитое в пространстве блаженство.

Жаль тех, кто нуждается в мифах. Здесь боги служат руслу рек либо ориентирами в течении дней. Описывая пейзаж, я говорю: «Вот то, что окрашено в красный, синий, зеленый. Море, гора, цветы». И стоит ли упоминать о Дионисе для того, чтобы выразить, как я люблю давить почки фисташника? И принадлежит ли Деметре этот старинный гимн, который вспомнится мне позже: «Бла-

---

* Согласно легенде, в IV веке христианская дева Сальса бросила голову языческого змеиного идола в море, после чего разгневанные люди избили ее камнями до смерти. Ее тело, чудесным образом обнаруженное в море, было сожжено в часовне на холме у гавани, где впоследствии расположилась базилика.

жен тот из живущих на свете, кто видел это». Видеть, причем видеть на этой земле — как забыть такой завет?

На Элевсинских мистериях* достаточно было лишь созерцать. Однако даже здесь же я знаю, что до конца не приближусь к миру. Мне следует нагим и благоухающим земными эфирными маслами войти в морскую воду, омыть одно в другом и собой сомкнуть объятия, по которым так долго вздыхают, прильнув друг к другу устами, земля и море.

Входишь в воду: настоящее потрясение — холодная и плотная смола принимает тебя, ты ныряешь в нее, в ушах шумит, из носа течет, во рту горечь; плывешь, выпрастывая руки, отполированные водой, подставляя их солнцу, а затем напряжением всех мускулов вновь погружая в воду; скольжение воды по телу, шумное подчинение волн твоим ногам — и полное отсутствие горизонта. На берегу падение в песок... я вновь отдаюсь миру, вновь обретаю земную тяжесть плоти и костей и, утомленный солнцем, изредка бросаю взгляд на свои руки, с которых скатываются капли воды, обнажая на высохших участках кожи белый пушок и соленый налет.

Здесь мне становится ясно, что такое величие: право безмерно любить. Есть только одна любовь в этом мире. Сжимать в объятиях женское тело — это еще и вбирать в себя ту странную радость, которая сходит с небес на землю. Очень скоро, когда я брошусь в заросли полыни, чтобы пропитаться ее ароматом, я осознаю наперекор всем предрассуд-

---

* Элефсис, ранее Элевсин — город в Греции, в 20 км от Афин. Является культовым центром Деметры и Персефоны. В древности в городе проводились Элевсинские мистерии.

кам, что совершаю предначертанное мне согласно истине, которая совсем проста — вот оно солнце — и за которой неизбежно следует другая истина — а вот она смерть. В каком-то смысле здесь я ставлю на кон свою жизнь, жизнь с привкусом горячего камня, наполненную вздохами моря и стрекотом цикад, заводящих в эту самую минуту свою песнь. Свежий бриз, голубое небо. Я беззаветно люблю эту жизнь, и мне хочется свободно поговорить о ней: она наполняет меня гордостью за мой человеческий удел. Однако я часто слышал: гордиться-то нечем. А вот и есть чем: этим солнцем, этим морем, своим молодым, бешено бьющимся сердцем, своим солоноватым телом и тем огромным простором, что меня окружает, в котором нежность и слава сплелись в желтом и голубом. Для завоевания этого мне и нужно приложить свои старания и все свои силы. Здесь ничто не мешает быть целостным, ни от чего нет нужды отречься, ни к чему надевать маску: мне достаточно терпеливо постичь сложную науку жизни, которая стоит всех формул житейской мудрости.

Незадолго до полудня мы возвращались той же дорогой, петляющей среди руин, к небольшому кафе на набережной у порта. Как приятна прохлада затененного помещения и большой бокал ледяного мятного напитка, когда голова гудит от солнца и буйства красок! Снаружи море и дорога, горячая от пыли. Присев за столик, я пытаюсь поймать взглядом слепящее многоцветие белого от жары неба. С лицом, мокрым от пота, но с сухим, облаченным в легкие полотняные одежды телом, мы все являем картину счастливой утомленности дня бракосочетания с миром.

Кормят в кафе неважно, зато подают много фруктов — особенно персиков, в которые вгрызаешься так, что сок течет по подбородку. Впившись в персик, я прислушиваюсь к тому, как стучит в ушах моя кровь, и смотрю во все глаза. Над морем повисла всеобъемлющая полуденная тишина. Всякому прекрасному живому существу свойственна природная гордость за свою красоту, сегодняшний мир прямо-таки сочится гордостью за себя. К чему же перед лицом этого мира отказываться от радости жизни, если для этого мне не нужно отречься от всего остального? Быть счастливым не стыдно. Но ныне глупец — король. Глупцом я называю того, кто боится наслаждения. Нам столько твердили о гордости: знаете, это сатанинский грех. Остерегайтесь, — кричали нам, — не то утратите и себя, и жизненные силы. С тех пор я и правда узнал, что некоторый род гордости... Но в иные минуты я не в силах отказать себе в гордости жизнью, одарить меня которой замыслил целый мир. В Типасе то, что я вижу, равнозначно тому, во что я верю, и я не упорствую в отрицании того, к чему могу прикоснуться рукой и к чему способен приложиться губами. У меня нет потребности превратить это в произведение искусства, разве что просто рассказать, а это не одно и то же. Типаса представляется мне чем-то вроде тех персонажей, которых описываешь для того, чтобы опосредованно высказать свою точку зрения на мир. Как и они, она лишь свидетельствует, причем по-мужски твердо. Сегодня она мой персонаж, и кажется, моему опьянению не будет конца, сколько ни ласкай ее, сколько ни описывай. Есть время жить и время свидетельствовать о жизни. А еще есть время сози-

дать, что не так естественно. Мне достаточно всем своим телом участвовать в жизни и всей душой свидетельствовать об этом. Жить Типасой, запечатлевать ее... а очередь искусства наступит позже. Тут я волен поступать по-своему.

Я никогда не задерживался в Типасе больше чем на день. Всегда наступает такой момент, когда ты вдоволь налюбовался каким-то видом, как верно и то, что требуется много времени, прежде чем налюбуйешься им. Горы, небо, море как лица, чью суровость либо великолепие открываешь в силу того, что смотришь, а не в силу того, что видишь. Но всякое лицо, чтобы красноречиво поведать о чем-то, должно претерпеть определенное обновление. А мы жалуемся, что слишком быстро перестаем смотреть на мир, когда следовало бы любоваться тем, что он кажется нам новым, при том что был всего лишь забыт нами.

К вечеру я обычно брел в ту часть заповедника вдоль трассы национального значения, которая превращена в сад и облагорожена. По выходе из шумной суматохи запахов и солнечных бликов, в свежести вечерней прохлады, я приходил в себя, а мое отдохнувшее тело вкушало внутренней тишины, рождающейся после удовлетворения страстью. Я сидел на скамье. Смотрел, как сглаживаются в конце дня очертания пейзажа. Я был пресыщен. Над моей головой висели еще не распустившиеся ребристые бутоны гранатового дерева, похожие на кулачки, в которых сосредоточилась вся надежда весны. За моей спиной произрастал розмарин, я различал его дурманящий аромат... Меж деревьев вырисовывались холмы, дальше виднелась кромка

моря, а над ней пласт неба, напоминающий по форме неподвижный парус, неба, отдыхающего от растраты своей нежности. Сердце переполняла неизъяснимая радость, та же, что рождается от осознания чистой совести. Есть чувство, знакомое всем актерам: чувство уверенности, что они хорошо сыграли свою роль, то есть, в более точном смысле, совпали с тем идеальным персонажем, которого воплощали, в некотором роде вписались в заранее заготовленный рисунок и заставили ожить его и биться в унисон с собственным сердцем. Именно это я и ощущал: чувство хорошо сыгранной роли. Я исполнил свое ремесло — ремесло человека, а познание радости на протяжении целого дня мне представляется не каким-то исключительным успехом, а волнующим исполнением предначертанного удела, который в некоторых обстоятельствах предписывает нам быть счастливыми. Тогда-то на нас опускается одиночество, но на сей раз в удовлетворении.

И вот теперь деревья полнятся птицами. Земля неспешно вздыхает перед погружением во тьму. Вот-вот с первой звездой на сцену мира падет занавес ночи. Ослепительные боги дня, как всегда, отойдут к смерти. Но явятся другие боги. Пусть они и выглядят мрачнее, однако их до неузнаваемости искаженные лица рождаются из самого лона земли.

Шум волны, рассыпающейся на песке, долетал до меня сквозь все пространство, заполненное пляшущей золотой пылью. Море, природа, тишина, благоухание этой земли... я весь наполнялся пахучей субстанцией и вгрызался в уже зрелый плод мира, потрясенный вкусом его сладкого и густого

сока, текущего у меня по подбородку. И дело не во мне и не в мире, а лишь в гармонии и тишине, которые порождают любовь между мной и этим миром. Ту любовь, притязать на которую как на исключительную привилегию я себе не позволял, поскольку с гордостью осознавал, что разделяю ее со всем человеческим родом, рожденным от солнца и моря, родом живучим и умеющим наслаждаться, черпающим величие в собственной простоте и, стоя на пляжах, обращающим свою понимающую улыбку к ослепительной улыбке небес.

ВЕТЕР В ДЖЕМИЛЕ

Есть места, где разум умирает для того, чтобы родилась истина, которая является его отрицанием. Когда я приехал в Джемилу*, было ветрено, солнечно, но сейчас не об этом. Начать нужно с того, что там царила полная, тяжеловесная и густая тишина — как будто весы замерли в равновесии. Перекличка птиц, приглушенный звук свирели с тремя дырочками, шорохи, производимые козым стадом, гул с небес — вот и все звуки, составлявшие тишину этого богом забытого места. Время от времени раздавался сухой треск или пронзительный крик, это птица покидала насиженное место между камней. Каждая дорога, каждая тропинка, связывающая развалины домов, все широкие замощенные улицы, пролегающие под блестящими колоннами, огромных размеров форум, раскинувшийся между триумфальной аркой и храмом на возвышенности, — все ведет к обрывам, со всех

© Перевод. Т. Чугунова, 2018

* Джемила — древний римский город, руины которого расположены в современном Алжире и с 1982 г. являются объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.